

мя науки. В первую очередь мне вспоминается Иван Иванович Ляпушкин (1902–1968)³¹. Уроженец глухой слободы Савруха в Самарской губернии он долго был учителем и пришел в археологию в возрасте тридцати лет, поступив в аспирантуру ГАИМК к М.И. Артамонову. Темой его кандидатской диссертации, защищенной в 1940 году, был вопрос о славянах на Нижнем Дону и Тамани. Националистически настроенные историки доказывали, что они появились там очень рано, но тщательный анализ материала привел аспиранта к иному выводу — никаких следов славянских поселений старше X века в Приазовье нет, и он не побоялся это высказать.

После войны Иван Иванович взялся за археологические исследования в лесостепном Левобережье Украины. В противоположность Рыбакову, перескакивающему с памятника на памятник, он не спеша, методично изучал селище за селищем, район за районом. На Псле он полностью раскопал Новотроицкое городище роменского типа, развенчав красивую гипотезу Третьякова о жилищах со многими входами, подогнанную к известиям Псевдомаврикия, и рыбаковскую идентификацию роменской культуры с антами. Тщательно наносил он на карту скифские, салтово-маяцкие, славянские памятники, и эта скромная скрупулезная работа дала неизмеримо больше, чем любые эффективные спекуляции Третьякова и Рыбакова.

Я помню, как в сороковых годах Ляпушкин был посмешищем в глазах этих двух корифеев. Они спорят о вопросе государственной важности — об этногенезе славян, — а им суют в нос какие-то черепки! Причем тут черепки? Третьякова ЦК снабдило точными указаниями, где и когда произошли наши великие предки, а паршивый кандидат наук смеет в этом сомневаться, придумал разную чушь — «пражский тип» и еще чего-то. Глупость! Нелепость!

В пятидесятых-шестидесятых годах положение изменилось. Третьяков и Рыбаков окончательно запутались в том, кто анты, кто венеды, кто русы т.д., а Ляпушкин долбил и долбил в одну точку, и постепенно стала вырисовываться цельная концепция

ранней истории славян в Восточной Европе. Выяснилось, как в VI–IX веках медленно продвигались они с запада на Русскую равнину, и рассыпались в прах всякие фантазии вроде предположения о товарно-денежных отношениях еще до возникновения Киевской Руси. Все это Ляпушкин свел в монографии «Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства». Она увидела свет через несколько месяцев после смерти автора в 1968 году.

Очевидно, и в ней найдутся спорные построения, и потом что-то придется поправлять и пересматривать, но во всяком случае это не скороспелка, не очередная дешевая сенсация, а большой долголетний труд, где каждый вывод многократно проверен и взвешен. Значит, все-таки и слависты могут при желании работать добросовестно. Надо лишь обладать чувством ответственности перед наукой и ради нее идти на все. Ляпушкин получил докторскую степень лишь на седьмом десятке лет, почти не имел возможности знакомиться с зарубежными музеями, десятилетиями грубо третировался начальством. Но время брало свое. Труд был слишком добротным, чтобы его просто замолчать или опорочить. Книги Ляпушкина пробили себе дорогу. Молодежь будет учиться по ним, как нужно работать, те же, кто поумнее, научатся и тому, как не нужно — по книгам академика Рыбакова и члена-корреспондента Третьякова.